

Рожава: демократия и комуна

This and That

Пол З. Саймонс

2016-05-19 на англ. языке

Оглавление

This	3
That	5
This	7
That	8
The Other Thing	10

Демократия: «система управления, в которой жители государства или полиса... вовлечены в принятие решений, обычно посредством избрания представителей в парламент или подобное собрание,» (а:) «правление народа, а именно, его большинства» (б:) «такая форма власти, при которой сувереном является весь народ, реализующий свое право или непосредственно, или через официальных лиц, им избранных на периодически устраиваемых свободных выборах.» — Оксфордский энциклопедический словарь

This

Я ненавижу демократию. И организации я ненавижу, в особенности коммуны. Однако я выступаю за организацию демократических коммун. Демократия всегда сводится к посредничеству. Она встаёт между субъектом и процессом принятия решений, отделяет субъект от самого себя, или действует в качестве оправдания взятости и мошенничества. Демократия стоит на пути личности, перекрывает неотягощённую посредничеством коммуникацию, налагая структурированные требования — достижение результата, принятие решения. Когда же решение принято, обычно оно принято самым банальным и безжалостным способом — с помощью голосования, тиранией большинства.

У анархизма неоднозначная история критики демократии. Этьен де ла Боэси в своём «Рассуждении о добровольном рабстве» задал почин, спросив, почему вообще люди позволяют собой править. Размышляя над этим, он указывает, что, по-видимому, не важно, пришёл ли тиран к власти при помощи оружия, унаследовал ли её, или был избран. «И странное дело, эти самые государи, властвующие по выбору народа, превосходят всех других тиранов всякого рода пороками и даже жестокостью... Так что, говоря по правде, хотя я и вижу некоторое различие между указанными мною тремя родами тиранов, однако, в сущности, они все одинаковы, и хотя достигают власти различными путями, однако способ властвования у них всегда один и тот же.

Что же касается завоевателей, то они считают, что на завоеванных они имеют такое же право, как на свою добычу. Наследники же их поступают с подданными, как со своими естественными рабами.» Стоит прибавить, что подданные безропотно покоряются подобному обращению. Ла Боэси написал поистине пророческий трактат — примерно в 1553 году, то есть за 250 лет до появления современных национальных государств перед его внутренним взором предстают именно те виды разнузданного насилия, угнетения и террора, которые демократически избранные правительства развязывают против своего населения и друг друга.

Власть не статична, она является производной процессов, протекающих между организациями и индивидами. Европейские монархи получили жёсткое напоминание об этом в 1848 году, когда их режимы разваливались один за другим. Демократия пришла в точно рассчитанных дозах — гражданин получил малую толику власти (голос на выборах), а огромные её объёмы были сконцентрированы законодательной, исполнительной и судебной ветвями управления.

Неудивительно, что политические системы начали руководствоваться расчётливым уравнением власти в то же самое время, когда в сфере экономики капитал с помощью похожих уравнений узурпировал время и труд в обмен на выживание. Кроме того, подобный обмен приближает и привязывает народ к своим правителям. Ванейгем таким образом описывает этот механизм: «Рабы не долго будут усердны, если их не вознаградить за подчинение крупницей власти: любое подчинение вызывает к жизни право на долю власти, и нет такой власти, которая не заключает в себе долю подчинения».

Самые изменчивые отношения с демократией были у Прудона, как в теории, так и на практике. За свою карьеру он написал и опубликовал тома работ, осуждавших демократию, баллотировался на выборный пост, был депутатом Национальной Ассамблеи во время революции 1848 года, пока, наконец, не вернулся на начальные позиции неприятия голосования и представительной демократии. Он поочерёдно призывал своих читателей воздерживаться от голосования, затем — голосовать, затем — воздерживаться от голосования, и, наконец, голосовать пустыми бюллетенями в знак протеста.

У Прудона было много претензий к демократии. Он варьировал углы атаки — от чисто психологического до эмпирического, а его целями был весь иконостас демократических благоглупостей — от суверенности и мифа о «народе» до реальной законодательной кухни. Интересен его критический анализ процесса принятия решений в демократии. Он исследует механизм голосования и результаты его работы, особенное внимание уделяя власти большинства: «Демократия есть ничто иное, как тирания большинства, самая отвратительная тирания из всех возможных, поскольку основана она не на власти религии, не на аристократии крови, не на привилегиях, даруемых богатством: в её основе число, прикрытое именем народа».

Но Прудон на этом не останавливается. Он возмущён тем, что оставшиеся в меньшинстве принуждены обстоятельствами подчиняться воле большинства — положение, которое он находит неприемлемым не только из-за откровенной его насильственности, но также из-за того, что меньшинство вынуждено отречься от своих идей и убеждений, принимая взамен чуждые. Это разумно, как он ехидно замечает, только если считать политические взгляды людей настолько нестойкими, что они вряд ли заслуживают так называться.

Размышляя над этим же сценарием, Уильям Годвин заявляет: «ничто так напрямую не способствует поражению человеческого разума и нрава», как принуждение людей действовать вопреки собственному разумению. Заключение, доказанное деятельностью представительной демократии и её воздействием на человечество за последние 250 лет.

Итого: для анархиста, для меня демократия как система самоуправления, как инструмент принятия решений, как идеал — абсолютно лишена ценности и привлекательности. Она — пелена, скрывающая принуждение и аппетитно упаковывающая ужас, в то время как её плоды нестерпимы для индивида, для человеческого рода, и для всей планеты. Тупик.

That

Примерно в этом месте большинство анархистов и критически настроенных теоретиков начинает откатываться назад: некоторые — медленно (как Прудон), а другие — из всех сил (как Букчин). Исторически так сложилось, что, язвительно разгромив демократию, теоретики тут же делают вираж, заявляя, что представительная форма демократии, порождённая буржуазным (или социалистическим) обществом, — демократия не настоящая. Настоящая же демократия примет какую-то иную форму — для Прудона это была форма делегированной демократии, для Букчина — греческие города-государства или Швейцарская Конфедерация. Фактически они утверждают, что левые могут (и должны) возродить (рекуперировать) демократию в жизнеспособной форме.

В том же месте мой собственный анализ резко меняет направление под воздействием опыта наблюдения за альтернативной формой демократии. Я недавно вернулся из Северной Сирии, из Курдского Автономного района, иначе известного как Рожава, где у меня была возможность наблюдать за уникальной разновидностью демократии, устанавливаемой силами революционного либертарного социального движения.

Но начну я с теоретического отступления: в 1999 году Абдулла Оджалан, руководитель Рабочей партии Курдистана (РПК), был схвачен турецкими спецслужбами, чему поспособствовали ЦРУ и Моссад. Чудом избежав расстрела, он был приговорён к пожизненному заключению, — и тут начинается самое интересное. Вместо того чтобы клепать номерные знаки или трудиться в тюремной прачечной, Оджалан шаг за шагом вышел на длинный интеллектуальный путь, приведший его от марксистско-ленинской белиберды к крепко скроенной анархистской теории. Он опубликовал свои идеи в нескольких книгах, среди которых стоит упомянуть «Демократический конфедерализм», «Война и мир в Курдистане» и многотомную работу «От шумерского государства жрецов к демократической цивилизации». В своих трудах Оджалан делает то, на что не осмеливается никто в среде современных анархистов Северной Америки — он моделирует, хоть и нечётко, проект либертарного общества. Вне зависимости от результата, подобный замах просто невероятен. Его усилие больше напоминает проекты утопического социализма образца начала XIX века, чем последовавшие за ними теории социального противоборства, в особенности марксизм и пролетарский анархизм; и в самом деле, в вопросах классового анализа, марксистской телеологии, исторического материализма и синдикализма он сохраняет оглушительное молчание. Свою задачу Оджалан видит чётко: «Демократический конфедерализм — это безгосударственная социальная парадигма. Она не контролируется государством. В то же время, **демократический конфедерализм — это культурно-организационная модель демократической нации**».

Как можно понять из названия, система «демократического конфедерализма» в большой степени опирается на демократические процессы. Однако Оджалан не даёт определения демократии и не говорит конкретно о методах её установления. Демократия в его работах предстаёт как данность, как процесс принятия решений, как подход к самоуправлению, и на этом, пожалуй, всё. Непонятно, предпочитает ли он голосование или консенсус, и вы не найдёте детального описания того, какую форму должна принять демократия на разных уровнях (коммун, кантонов, областей).

Например, он пишет: «Демократический конфедерализм можно назвать безгосударственным управлением или демократией без государства. Не нужно принимать демократические процессы принятия решений за процессы государственного управления. Государства осуществляют управление (administer), а демократии правят (govern). В основании государства — власть, демократии основаны на коллективном консенсусе.» В «Принципах демократического конфедерализма» он так толкует понятие «процесса принятия решений»: «В основе Демократического конфедерализма — участие масс на местах (grass-roots participation). Процессы принятия решений осуществляются местными жителями (communities)». Отлично, но как всё это реализуется в Рожаве? Другими словами, как идеи Оджалана воплощаются в жизнь революционными органами?

Я начал своё знакомство с демократией в Рожаве в центре Кобани за трапезой, которую я делил с представителем TEV-DEM (Tevgera Civaka Demokratîk, Движение за демократическое общество) по имени Шайко. За три дня до этого мы вместе с ним посетили собрание коммуны имени героя Кавы. На этом собрании Шайко поставил вопрос об изменении границ коммуны учётом роста числа людей, возвращавшихся на руины Кобани. Обсудив этот вопрос, Шайко ушёл с собрания, попросив сообщить ему по телефону о принятом решении.

— И что, — спросил я у Шайко, — как там коммуна, они позвонили?

— Нет, они ещё не решили.

— А они вообще собираются решать?

— Решат, когда будут готовы. Вот так тут дела делаются. — Шайко насмешливо посмотрел на меня поверх очков и вернулся к пите и хумусу.

Демократический процесс принятия решений, в котором отсутствие окончательного решения не менее правомерно, чем твёрдое «да» или «нет» — это заметное отступление от общепринятого. Лишь несколько раз я был свидетелем применения этой практики, но она кажется достаточно распространённой, особенно когда за претворение демократического конфедерализма отвечают представители TEV-DEM. Это интересный способ улучшения процесса принятия решений. По сути, он отвергает демократический процесс в пользу вовлечения сторон и серьёзного обсуждения, без сопутствующего им требования достижения результата.

Революционный ответ Оджалана на тиранию большинства носит характер описания структуры, а не руководящих указаний. Вот его взгляд на плюралистическое общество и план по ослаблению правления большинства: «В отличие от централистского и бюрократического понимания управления и применения власти, конфедерализм представляет собой разновидность политического самоуправления, в котором все группы общества и все самобытные культуры выражают свою волю на местных собраниях, общих съездах и в советах...

Нет нужды подводить под это грандиозную теорию, нам просто нужна политическая воля предоставить возможность выразиться... существующим в обществе нуждам, структурно укрепляя автономию социальных субъектов и создавая условия самоорганизации общества в целом. Создание действующего местного уровня принятия решений, на котором все виды общественных и политических групп, религиозных общин или интеллектуальных направлений могут выразить себя напрямую, может быть названо демократией участия (participative democracy)».

Таким образом, революционер должен приветствовать и поощрять создание, культивацию и распространение всех видов «социальных субъектов» — коммун, советов, консультативных центров, организаций и даже вооружённых группировок.

В Рожаве всё это воплощается в виде лоскутного одеяла организаций, заинтересованных сторон, местных коллективов, религиозных групп и т.п., иногда даже выступающих под разными флагами. Например, TEV-DEM, занятое воплощением в жизнь демократического самоуправления, является широким фронтом, объединяющим меньшие организации и представителей политических партий. Среди этих организаций есть группы, сосредоточенные на спортивных, культурных, религиозных, женских вопросах.

Так, например, в декабре 2015 года в системе TEV-DEM появилась новая организация — TEV-ÇAND Jihn, продюсерский центр, фокусирующийся на женской тематике. Эта новая группа отпочковалась от продюсерского центра TEV-ÇAND, занимающегося более широко темой культуры. Для того чтобы обойти проблемы, вызываемые правлением большинства, сирийские революционеры изменили условия на уровне структуры, предложив каждому индивиду найти себе организацию по вкусу, и через её посредство быть услышанным всем обществом. Заметьте, TEV-DEM не пытались перенастроить внутреннюю механику коммун и организаций. Вместо этого они изменили социальный порядок таким образом, что если индивид отказывается поддерживать решение группы, коммуны или совета, он всегда может выйти из их состава и найти себе более подходящее собрание.

Эти нововведения выглядят как неплохой первый шаг по превращению демократии из бесполезного старинного артефакта в рабочий принцип анархистской теории. С этой точки зрения их надо поощрять и изучать.

This

«Коммуна» — непростой термин. Он происходит от названия наименьшей административно-территориальной единицы во Франции — коммуны, которую можно назвать местным самоуправлением или муниципалитетом. Само слово пришло из средневековой латыни, на которой «*communia*» означает группу людей, живущих общей жизнью. Интересно, что уже у своих истоков концепция подразумевала определённую степень автономии, как политической, так и экономической. Парижская коммуна времён Великой Французской Революции (1789-1795) большими красными буквами вписала этот термин в революционную летопись. Во время этой первой грандиозной вспышки коммунары отличались непримиримостью и требовали отмены частной собственности и общественных классов, в конце концов заслужив прозвище *Les Enragés* — Бешеные.

Получается, революционная коммуна имеет подрывную природу. Она опасна. Всегда опасно, когда люди взаимодействуют за пределами, огороженными капиталом и государством, или объединяются против них.

На протяжении XIX века за пределами Франции термин «коммуна» стал ассоциироваться с социалистическими и коммунистическими экспериментами, а в более общем смысле — со всякого рода утопическими проектами и сообществами — Оуэн,

Фурье, Онайда, «Амана», «Modern Times» Джосайи Уоррена. В начале XX века на несколько десятилетий наступил провал, а потом, запутав дело ещё больше, пришли шестидесятые. Для многих американцев определение слова “коммуна” застыло где-то в районе 1972 года, в калейдоскопе из наркотиков, свободной любви и “Семьи” маньяка Чарльза Мэнсона.

Это не значит, что не было интересных проектов. Например, западноберлинская Kommune 1 (1967-1969) или вклад Висконсина в Утопию — Dreamtime Village. За прошедшие двести лет на свет появились тысячи (возможно, десятки тысяч) коммун: идейных общин (intentional communities), коллективов, кооперативов. В каждом случае людей сводило вместе что-то особенное, объединял некий социальный “клей”. В состав этого клея попадали идеи анархистские, коммунистические, откровенно утопические, религиозные (обычно эксцентричного характера), а также нужда, наркотики, секс и элементарное отвращение к господствующей культуре.

Так что из себя представляет коммуна? Да кто его знает?! Проблема не в расплывчатости понятия коммуны, а в недостатке теории (и опыта), способствующих детализации этой расплывчатости. Идея коммуны была утеряна или выхолощена из-за неоднозначности её исторического контекста и той лёгкости, с которой она принимает самые разнообразные формы. В конце концов с точки зрения анархистской теории коммуна, как и демократия, выглядит причудливым потрёпанным анахронизмом.

That

Мои собственные отношения с Коммуной измеряются несколькими статьями о Парижских событиях 1871 года и продолжающимися попытками решить головоломку о роли организации в анархизме. Мои попытки анализа форм организации в революционном контексте были чисто теоретическими до того момента, пока я не попал в Курдский Автономный район.

Собрания коммун и советов, на которых мне удалось присутствовать, сильно отличались друг от друга. Это были незапланированная встреча группы бойцов YPG на турецкой границе в Кобани, заседание совета коммуны С имени героя Кавы, и официальный съезд представителей TEV-DEM из кантонов Кобани и Джазира. У всех этих событий я подметил общие черты. Во-первых, каждой встрече было присуща атмосфера целеустремлённости, наполненности смыслом.

Участникам было очевидно, что их простая встреча в качестве членов коммуны или бойцов YPG несёт в себе семя возможного будущего для Северной Сирии, и, возможно, для всей планеты. Многие люди делились похожими наблюдениями, когда я просил прокомментировать их участие в подобных мероприятиях. Женщина, с которой я беседовал в Париже на демонстрации в поддержку HDP (Народная демократическая партия Турции), выразила это наилучшим образом: “Мы здесь заново изобретаем политику, и, по большому счёту, весь мир”.

Казалось бы, подобное отношение может легко породить высокомерие, но на деле оно приводит участников встреч в состояние спокойной решимости. Эти люди бедны, они тяжело трудились всю свою жизнь; лица мужчин испещрены морщина-

ми, обожжены горячим ближневосточным солнцем; руки женщин одновременно изящны и грубы: они покрыты мозолями, но пахнут кремом и духами. Во время этих встреч голоса, жесты и лица революционеров серьёзные, ищущие, исполнены намерения. Атмосфера доброжелательная — по-дружески обнимают молодого инвалида, сочувственно разговаривают с матерью, потерявшей сына при осаде Кобани, — и уважительная: каждому выступающему одобрительно кивают остальные участники.

Атмосфера исполнена надежды — качества, в котором история долгое время отказывала анархистам, и которое некоторые из нас вернули себе не по случаю, а по праву рождения. Эти люди верят в свою способность изменить как жизнь, так и общину, многие верят, что могут изменить (и изменяют) весь мир.

Наконец, и это самое важное, атмосфера этих встреч исполнена полным ощущением обыденности происходящего. Упомянув администрацию кантона, эти люди лаконично называют её антиправительственной или антирежимной. Они были свидетелями и участниками стремительных общественных перемен и экспериментов, которые стали для них таким же обычным делом, как завтрак. Это не значит, что происходящее не доставляет им удовольствия, отнюдь. Скорее, это означает отсутствие страха, и в этом смысле революция в Рожаве достигла периода зрелости и устойчивости. Единственным краткосрочным препятствием на её пути является Даш (ИГИЛ).

Некоторые теоретики занимались развитием идеи коммуны, но делали это под странным пост-левым углом. Питер Ламборн Уилсон во “Временной автономной зоне” (TAZ) и “Пиратских утопиях” напирал на аспект удачности/провальности проектов коммун в зависимости от срока их жизни. Он полностью отрицает (а вслед за ним это должны сделать и мы) техническое рассуждение о прямой зависимости успешности коммуны от срока её существования. TAZ даёт формулу новорождённой идеи коммуны, которая появляется в результате случайной встречи — продолжающейся считанные часы, если не минуты, — но обязательно отличающейся ощущениями праздничности и радости. Эта встреча должна быть абсолютно свободна и независима от оков капитала и государства. Это очень важно понять. Коммуна имеет свободолюбивый, а не подчинённый характер. В этом основа её независимости.

Вместо того, чтобы ограничивать коммуны более точным определением, я предлагаю расфокусироваться. Фаланстер ли это со всем фурьеристским зверинцем, или встреча друзей, вспоминающих старые добрые времена и готовящихся к новым, — это неважно, это уже коммуна. Зачем ограничивать и подгонять под искусственную мерку нечто, представляющее собой жизнеспособную модель организации? Не лучше ли без определения продвигаться шаг за шагом к пониманию того, что работает, а что бесполезно для модели коммуны? Мне это кажется многообещающим направлением как для плодотворного социального эксперимента, так и для откровенной общественной дискуссии.

Работоспособная модель коммуны обещает нам возвращение теоретической концепции федерализма. Это будет возвратом анархизма к его философским корням, в особенности к Прудону, но также и к философу Пи-и-Маргалю и революционеру Бакунину. Мятёжный потенциал федерализма кажется сильно недооценённым: дробление общества на малые части, а потом на ещё меньшие, с последующим их объединением по взаимному согласию в федерацию с её потенциалом экономиче-

ской кооперации и механизмом коллективной самообороны — федерализм кажется неподъёмным, но мощным инструментом. Стоит отметить, что современное понимание федерализма, согласно которому национальное государство аккумулирует власть, богатство и знания с целью контроля и подавления населения, является полной противоположностью оригинального определения. Пи-и-Маргаль, сам не бывший анархистом, но ставший отцом испанского анархизма, так описывает потенциал федерализма в своей работе 1855 года «Реакция и революция»: «Важнейшее из моих революционных устремлений — объединение общества без помощи власти», добавляя, что «чтобы уничтожить власть, её надо разделять и дробить».

Создание коммун также является реалистичной стратегией, позволяющей решать две практические задачи. Во-первых, они способны служить опорой и оказывать поддержку боевым группам. В этом отношении они могут сыграть ту роль, которую для американских анархистов в течении десятилетий играли книжные магазины, информационные киоски и прочие места сбора «неформалов», или которую играли коммуны Кобани во время осады. Они могут предоставлять бойцам убежище, пищу, медицинскую помощь. Коммуны могут осуществлять разведывательные функции, собирая сведения о местных условиях, силовых органах и помогать идентифицировать наиболее вредоносные для местного населения цели. Говоря современным военным языком, коммуна сама по себе не является оружием, но может функционировать в качестве платформы для развёртывания мобильных анархистских боевых групп.

Во-вторых, для менее склонных к приключениям членов анархистского сообщества коммуны могут стать экспериментальной лабораторией по обкатке новых идей, новых форм; средой для проращивания семян будущих революционных организаций. Коммуны — это инкубаторы восстаний будущего. Кроме этого, коммуны могут компенсировать естественную убыль в рядах — бедствие, всегда истощавшее анархистское политическое движение. Непросто посвятить всю жизнь борьбе за свободу, и большинство анархистов в конце концов уходит по «зову Ктулху» в край новых машин, больших домов и впустую прожитых жизней.

Мне 55 лет и я знаю тысячи анархистов, которые перестали ими быть; только самые упёртые и антиобщественные типы наподобие моих друзей и меня самого остаются анархистами. Коммуны могут сдерживать эту тенденцию, создавая социальную среду, пригодную для обитания самых причудливых типов личности, а также обеспечивая распределение ресурсов для решения практических вопросов проживания, питания, деторождения, воспитания, заботы о пожилых, больных и одиноких. Коммуна — это действие. Коммуна — это вопрос.

The Other Thing

Анархизм находился в разобранном состоянии с конца Второй мировой войны. Плохо понимая собственные корни, историю и метания, большинство анархистов было предоставлено само себе. Не существовало организаций, которые можно было критиковать или в которые можно было вступить; в 1984 году в Нью Йорке вообще было сложно найти анархистов. Мы были сиротами. Сейчас положение изменилось:

анархистов больше, они лучше связаны, а интернет помог вернуть нам нашу историю. Анархисты находятся в эпицентре событий в Греции, Рожаве, Европе, да и, пожалуй, по всему миру. У них есть широкий выбор — во что вкладывать свои силы, энергию и время, что именно делать. Вариантов столько же, сколько на свете анархистов. Я предлагаю свой вариант:

Form democratic communes.

Federate.

Be ready.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пол З. Саймонс
Рожава: демократия и коммуна
This and That
2016-05-19 на англ. языке

Скопировано 2019-05-19 с
<https://telegra.ph/Rozhava-demokratiya-i-kommuna-04-18> (первод
Сергея Шкаликова), оригинал на
<https://crimethinc.com/2016/05/19/rojava-democracy-and-commune>
В переводе отсутствуют ссылки на литературу из оригинального текста

ru.theanarchistlibrary.org